

**Отзыв д.и.н., профессора И.В. Поздеевой
на автореферат и текст диссертационного исследования соискателя
степени доктора исторических наук В.П. Богданова**

Представленная на соискание доктора исторических наук В.П. Богдановым работа называется «Записи на книгах как источник по истории книжной культуры (на материале старопечатных кириллических изданий конца XV–XVIII веков)».

Прежде всего, возникает вопрос к датировке темы в автореферате и ее разработке в самой диссертации. Едва ли можно говорить о записях на кириллических изданиях конца XV века, т.к. книгопечатание в России появляется в середине XVI века. Однако в источниках, которые исследует автор всего несколько экземпляров изданий Швайпольта Фиоля, записи на которых в используемых автором описаниях нет. Удивляет также и указанная автором конечная дата работы – XVIII век. В диссертации достаточно много страниц посвящено проблемам книжной культуры русского старообрядчества, которое до сегодняшнего дня пользуется дониконовскими печатными книгами или перепечатками с них, причем именно с книжной культурой этих веков связаны достаточно объемные тексты автора.

Тема, избранная для докторской диссертации, чрезвычайно активно и всесторонне изучается в российской науке начиная с последней четверти XX века. Эти исследования, как и показывает раздел диссертации, посвященный историографии проблемы, разработаны различными специалистами: историками, книговедами, археографами, языковедами и другими специалистами научных школ от Архангельска до Новосибирска. Впервые прямая постановка вопроса о значении записей на старопечатных книгах кириллического шрифта как исторического источника была поставлена в докладе 1976 года и затем опубликована в статье «Поздеева И.В. Записи на старопечатных книгах кирилловского шрифта как исторический источник» (Федоровские чтения, 1976: Читатель и книга. М., 1978. С. 39–54).

Непосредственно развитие темы именно старопечатной книги как исторического источника и особенно изучение записей на них, судя и по историографии и перечню литературы в диссертации, начинается именно с этого времени. Автор, действительно, называет большую часть посвященных этим проблемам исследований, но, к сожалению, в определенной степени выборочно и субъективно.

Среди главных условий, которые позволяли и позволяют сегодня исследовать записи как исторический источник и тем более определяют создание базы данных по этой тематике, являются, прежде всего, методики описания экземпляров старопечатной книги как исторического источника. Эти методики были неоднократно опубликованы в 1970–1980-х гг. и применены в 11 каталогах из 13, которые и являются источниками диссертационной работы. К сожалению, автор указывает только пятое издание этой методики, вышедшее в 2005 г. В ней подробно разработаны методы фиксации всех записей на старопечатных книгах, а также фиксации и публикации их текстов. К тому же в этой методике впервые поставлена задача, которой демонстративно следует В.П. Богданов – изучение в единстве всей информации соответствующего издания и описания экземпляра для правильного прочтения и понимания информации записей об истории бытования и использования данной книги на протяжении веков. Подчеркивание автором принципиальных различий методики описаний изданий и экземпляров давно стало самоочевидным фактом.

Уже из списка использованной В.П. Богдановым литературы становится ясно, что фактически все важнейшие разнообразные вопросы, историческую информацию о которых содержат записи, давно не только поставлены, но и в значительной степени разработаны. Автор повторяет, что по интересующей его проблеме мало теоретических работ, а большинство вышедших посвящены конкретным историческим проблемам. Однако собственные теоретические рассуждения В.П. Богданова повторяют только в несколько иной формулировке положения, которые были сформулированы до него. К

сожалению, В.П. Богданов не знает последней (2020 г.) работы, специально посвященной особенностям записей на старопечатной книге как исторического источника.

В данном контексте важно отметить только два первых принципа, выдвинутых в этом исследовании: первый – принципиальная правдивость информации записей, которые находятся на книгах Писания, литургических или учительных (в основном это – публикации Предания). Тем более, что вкладные записи – самый многочисленный тип записей XVII века. Была разработана и типология записей, которой частично и пользуется автор.

Вторая важнейшая и уникальная особенность записей на экземплярах старопечатных книг – это информация раскрывающая нам религиозную психологию русского общества XVII века и даже различных его страт. К сожалению, эта проблема вообще в работе даже не названа. В литературе давно выявлены и сформулированы направления исследований, значительный объем информации по которым представляют записи на старопечатных книгах. В том числе и записи, содержащие информацию не только по проблемам, связанным с региональной историей, но и сообщающие уникальный материал об отношении современников к общерусской исторической действительности.

Десятки опубликованных исследований посвящены проблемам книжной культуры России второй половины XVI–XVII вв. Прежде всего, это проблемы социального статуса владельцев, продавцов и читателей книг, географического распространения книги в регионах России. Особенно важно, что в последние десятилетия поставлена проблема региональных особенностей книжной культуры, создана широкая база для ее исследования в виде уже десятков региональных описаний, которые позволяют опубликовать и проследить создание общерусской книжной культуры. Эти выводы были сделаны и многократно опубликованы, именно на основании многих сотен записей на книгах Пермского региона, сделан вывод об особой

демократичности его книжной культуры. Автор диссертационной работы, однако, только повторяет этот вывод.

В.П. Богданов совершенно справедливо повторяет важный принцип исследования своих источников, что записи должны быть поняты на основании данных о типе, виде и характере соответствующего издания и полного описания его экземпляров.

К сожалению, этот тезис излагается автором в работе чисто декларативно. Характеристика типов издаваемых на Московском печатном дворе книг представлена чрезвычайно поверхностно и фактически никак не связана с характером оставленных на них записей. Хотя совершенно очевидно, что вкладные записи, особенно людей богатых, чаще всего появлялись на изданиях Евангелий и Апостола, часть из которых была издана более роскошно, чем все остальные книги. Очень интересные семейные записи, записи о рождениях и смертях членов семьи чаще всего появлялись на книгах, в которых были указания на памяти в различные дни года. Подчеркивая этот тезис методики, несомненно, нужно было продумать и определенную связь характера записей, иногда прямую связь с типом книги, на которой она сделана.

Автор также справедливо пишет и указывает источники, которые непосредственно дополняют информацию записей. Это вполне справедливо, особенно для исследования социального состава владельцев и покупателей книг. К сожалению, автор, перечисляя разные работы В.П. Пушкова, не называет важнейшую из них для темы диссертации, а также сам источник, сообщающий ту же информацию о составе покупателей книг, в том числе и коллективных. Эти выводы, сделанные на конкретном историческом материале во многих исследованиях давно опубликованы. Речь идет о приходных книгах лавки Московского печатного двора, открытой в 1632 году, в которых учтены не только имена, социальный статус, место жительства покупателя, но также количество и типы всех купленных книг, их стоимость. К сожалению, многообещающее исследование, которое мы могли бы получить

при сопоставлении имен покупателей, упомянутых в записях на экземплярах изданий и именами многих сотен покупателей тех же книг в лавке Печатного двора, в диссертации даже не поставлено. Несомненно, такое сравнение было бы принципиально важным и новым. Еще более интересны были бы выводы и сравнения объемной информации приходных книг с именами покупателей тех же книг, учтенных в общей Базе данных, которая и была составлена автором.

Совершенно очевидно, что только методика описания экземпляра старопечатной книги, как исторического источника, позволила осуществить В.П. Богданову свое исследование.

Вторым таким условием или прямо, как это было предложено, инструментом, позволяющим раскрыть действительное разнообразие и богатство записей, является разработка и осуществление во всех подготовленных сотрудниками МГУ и региональными специалистами каталогах, используемых автором, комплекса указателей, которые уже содержат и структурируют всю соответствующую информацию. Задача этих 10-12 аннотированных указателей заключается в том, что исследователь любой темы, связанной с историей культуры XVI–XVIII веков может легко, даже не обращаясь к тексту самих описаний, получить полные сведения по интересующей теме. Фактически, без этого типа концентрации и структурирования громадного объема информации, заключенной в них, было бы невозможно исследование В.П. Богданова.

Таким образом, как видно из самого текста диссертации, фактически все основные проблемы исследований записей на старопечатных книгах поставлены, освещены и решены в опубликованных работах.

Поэтому вызывают недоумение основные положения работы, вынесенные автором на защиту диссертации:

Первое, в котором изложены характер и информативная ценность записей, уже многократно освещены в опубликованных работах. Поэтому от

данного тезиса мы скорее ждали, в чем новое понимание и новые выводы автора по уже хорошо изученным проблемам;

Второе положение: записи могут быть источником «сюжетов, связанных с сюжетами книжной культуры, социальной историей России..., создание коллективного портрета читателя и владельца книг». Несомненно, в этом тезисе наиболее важной является формулировка задачи – «организация сведений в виде базы данных позволяющей адекватно отразить и раскрыть их источниковый потенциал». Это действительно самостоятельная и нужная работа, сделанная автором, поэтому важно, к каким выводам, отличным от уже существующих в многочисленных публикациях, автор пришел на основании работы с этой базой данных. Именно эти результаты и должны быть представлены и вынесены на защиту, но, к сожалению, мы видим здесь только уже хорошо известные и уже не раз проверенные формулировки возможностей потенциала источников.

То же самое нужно сказать и о третьем тезисе, в котором утверждается, что существование записей на книгах в течение нескольких веков «придает однородность этому источнику» и позволяет на протяжении веков проследить те или иные явления и процессы. К сожалению, в работе мы не находим, о каких явлениях и процессах идет речь, а что касается упоминания об уникальной информации записей, то о ней также неоднократно говорилось в привлеченных им работах. Здесь же в тезисах, вынесенных на защиту, говорится о новых фактах биографии ряда известных деятелей эпохи, что не является уникальной информацией, так как это только дополнение к уже составленной и широко известной генеалогической истории этих родов. Хотя появление этого тезиса вполне понятно т.к. особое внимание автора уделено именно проблеме генеалогии и реконструкции библиотек известных в России семейств.

Уникальная информация связана именно с психологической реакцией в ряде записей людей, очевидцев определенных событий. Например, реакция

священника на «страшное путное шествие с пресловушей реки Лены и выход к русскому царству Московскому государству» (г. Чердынь, 1651 г.!) или опять же психологическая реакция верующего, видевшего, как горели раки самых почитаемых святых в Ярославле. Сам этот факт известен, но поражает искренняя реакция на глубоко ужаснувшее человека событие. Трудно представить более уникальную информацию о народной религии XVIII в., чем запись на Николиной книге 1644 года, описанной в Ростово-Ярославской земле. Чтобы показать хоть один пример совершенно уникальных записей по перечисленным проблемам скажем, что человек советует, если у кого-то будет важнейшая потребность, он должен обратиться к Николаю Чудотворцу, который «бухнется на колени перед Христом и вымолит тебе прощение». Лучшего примера характера народной религиозности трудно представить. К сожалению, это в работе В.П. Богданова даже не упоминается.

Четвертый тезис посвящен записям на книгах, как источнику по реконструкции состава региональной книжности частных и коллективных библиотек. Что касается региональной книжности, то в работе не сделано что-либо новое в этом отношении, даже не приведены уже доказанные и опубликованные выводы о региональных особенностях книжности XVII века в полностью обследованных археографами регионах (Тверская и Пермская земля, Ростово-Ярославский регион). Целый ряд выводов, которые позволило сделать тщательное исследование выявленных региональных собраний, к сожалению, не известны или не приняты автором. Так, например, ссылаясь только на различие цен на экземпляр одной и той же книги в разных регионах, В.П. Богданов отрицает вывод о существовании уже во второй половине XVII века книжного рынка.

Надо заметить, что различие в ценах на московскую печатную книгу в лавке Печатного двора и в г. Чердынь и Пермь за тысячу верст от Москвы никак не могло не отличаться существенно, так как речь идет именно о необходимости доставить книгу на очень далекое расстояние, путь куда был не простым, а скорее «страшным путным шествием», о чем говорилось выше.

К тому же книжный рынок этих веков вовсе не означает, как считает автор («купи-продай»), а возможность систематического снабжения церковных корпораций регионов необходимыми им печатными книгами. Наличие такого снабжения, то есть необходимость книжного рынка на территории Российского государства, по крайней мере XVII века, доказывается и легко проверяется в сопоставлении времени выхода и записей на экземпляре этой книги. Надо отметить, что в систему указателей, о которых шла речь, входит указатель датированных записей и указатель с ценами на книги. Естественно, такое сравнение важно было бы сделать на основании базы данных, составленной автором, что, к сожалению, не сделано.

Необходимо заметить, что и в самих регионах, по крайней мере, во второй половине XVII века, существовала торговля московскими изданиями (например, в Ярославле и Соликамске). Об этом сообщают региональные записи на книгах. Также надо заметить, что в географических указателях к используемым в качестве основного источника описаниях изданий есть указание на номера книг, этим церквям принадлежащим.

Одним из основных доказательств репрезентативности, описанной в соответствующих каталогах книжности, являются географические указатели, в которых под соответствующими регионами и уездами названы десятки мест, где находились церкви, обладающие соответствующими экземплярами, а также владеющие книгами частные лица. Достаточно посмотреть книги Ярославского, Ростовского и даже Угличского уездов Ростово-Ярославской земли и географический указатель к Пермскому каталогу, в котором названы фактически все населенные пункты Чердынского уезда, где находились поставленные на учет памятники, чтобы убедиться в этом. Таким образом, и в этом случае проблема широко исследовалась и до работы В.П. Богданова.

Новым является один из аспектов этого исследования, о котором говорится в разных местах диссертации, а именно реконструкция церковных и ряда личных библиотек. Было бы важно, чтобы в этом же разделе автореферата были бы приведены сведения о количестве памятников, которые

с точки зрения автора позволяют говорить о реконструкции частной библиотеки.

Несправедливым кажется и утверждение, что записи о принадлежности книг тем или иным монастырям, более информативны, чем описи библиотек этих монастырей. В этом случае информация записей является существенным, но только дополнением к соответствующим описям. Другое дело, что записи позволяют говорить о культуре использования книг в церквях и монастырях: об описях библиотек церквей и монастырей, об ответственности членов клира за их сохранность. Совершенно особую информацию именно о книжной культуре сообщают нам записи на книгах Спасо-Преображенского монастыря г. Ярославля в годы игуменства там архимандрита Иосифа. К сожалению, эта проблема, как следует из выше сформулированных возможностей изучения записей, автором не учитывается.

Еще один вывод, вынесенный на защиту докторской диссертации, касается одной из важнейших проблем соответствующих веков – социального состава людей, приобретающих и использовавших памятники ранней печати. Эта проблема ставится и решается во многих уже опубликованных работах. Как на основании документов о приобретении определенных изданий (изданий Прологов – работы А.В. Дадыкина, которая упомянута в библиографии автора), работы И.И. Соломина с изданиями Ефрема Сирина и аввы Дорофея, записей на изданиях Симеона Полоцкого Е.В. Градобойновой и ряда других. Именно эти цели преследовало составление аннотированных именных указателей, в которых назван социальный статус вкладчика, покупателя и т.д. Специально для увеличения количества этой информации разработаны и использовались различные признаки, (например, разный характер указаний имен). Уже давно опубликован ряд работ, в которых тщательно установлен социальный состав владельцев, в том числе вкладчиков, дарителей и т.д. книг в XVII веке, бытовавших в Ростовском уезде Ярославской земли. В этой работе на значительном материале проанализирован социальный состав владельцев книг и его динамика в XVII–

XVIII вв. Несомненно, что важнейшие возможности исследования базы данных, составленной автором, заключается именно в сопоставлении базы данных с выводами в указанных выше исследованиях о социальной принадлежности владельцев книг и динамика этого соотношения в разные периоды времени. Но, к сожалению, подтверждения или опровержения выводов, сделанных ранее по этой проблеме, мы не находим.

Как мы видим, положения, вынесенные на защиту диссертации, не сообщают результаты самостоятельной работы автора, а только те задачи, которые можно поставить и решить на основании информации записей, которые уже десятилетия назад поставлены и решены, хотя конечно, проверить их справедливость и точность на основании большой базы данных было бы и интересно, и важно.

К сожалению, как мы видим далее, в работе при описании структуры и характера выделенных в базе данных полей, это представляется довольно сложным, поскольку автор отказался от предложенной ранее структуры этих полей (по крайней мере, дающей представление о социальной принадлежности книг), которая исходила из социальной структуры общества XVII в. С этой точки зрения необходимо было бы В.П. Богданову собрать воедино сведения о книгах, принадлежащих русской церкви и ее корпорациям и представителям, которых объединяет термин «духовенство»: высшие представители церковной власти, монашествующие, «белое» духовенство, священники и младшие члены церковного клира. Также подробно составляются и поля, характеризующие светское население страны, как владельцев интересующих нас книжных памятников. К сожалению, отсутствие точных представлений о роли тех или иных страт русского общества приводит нередко автора диссертации, мягко говоря, к историческим анекдотам. Например, утверждение, что дары первых царей из династии Романовых связаны с возможностью ликвидации дублетов «залежавшихся изданий». Чтобы понять, насколько неисторично это утверждение, достаточно напомнить, что Печатный двор передавал в XVII

веке безденежно в Приказ Большого дворца 50 экз. каждого издания, которые затем от лица царствующего правителя рассылались в разные концы государства по именным челобитным, в которых, как правило, указывались причины челобитной, а именно: создание новой церкви, церковь сгорела, даже необходимость книги для обучения племянника казака, направившего эту челобитную царю. Что касается личных библиотек представителей царствующего дома, то мы имеем почти точные сведения о количестве книг, которые относились сотрудниками двора самому царю, членам его семьи и патриарху.

Также исторически несправедливо странное утверждение автора о том, что утвердившись, Романовы перестают от своего лица вкладывать книги в церкви и монастыри, и что поэтому перестают делать это близкие к ним круги высшего общества. Это утверждение затем сам автор дезавуирует, приводя записи XVIII–XIX вв.

Эти утверждения должны были бы быть подтверждены данными большой базы данных, но, как правило, это чисто голословные утверждения, которые противоречат данным, использованным автором каталогов и их указателей. Даже данные описаний экземпляров кириллических книг, изданных в XVIII в., собранных в каталоге, составленном на основании хранилищ Пермского края, опровергли представление о том, что записей XVIII в. на экземплярах старопечатных книг гораздо меньше, чем записей XVII в. Их, на самом деле, оказалось не меньше, а даже больше, но их содержание резко изменилось. В XVIII в. значительно меньше вкладных записей, но гораздо больше владельческих, дарственных, запродажных, завещательных и т.д. Эти факты чрезвычайно важны с точки зрения темы, представленной на защиту диссертации. Они выявляют и характеризуют именно те тенденции и процессы, которые были типичны для книжной культуры России разного времени. В дополнение к этому, странным является утверждение автора о том, что пока Строгановы были купцами, они заботились о комплектовании церквей и монастырей книгами, а когда

получили дворянство, то перестали это делать. Просто интересы Строгановых, сконцентрированные именно на Пермском крае, распространились значительно шире. Достаточно вспомнить деятельность Строгановых в Солигаличе; их вклады зафиксированы в специальном рукописном сборнике, где указаны не только иконы, облачения, покровы, но и многочисленные книжные дары. Это подтверждают данные описания книг Екатеринбургского и Сибирского регионов, но опубликованные описания поставленных на учет там книжных памятников в сферу источников автора не входили, хотя в Пермском крае учтено достаточно книг, подаренных членами рода Строгановых и после получения ими баронского титула. С этими же процессами связана и потеря интереса семьи к своей резиденции XVII в. в Орле-городке, откуда состав основных библиотек был перенесен по указу Н.Н. Строганова в Ново-Усолье.

То же самое можно сказать о и вкладах Романовых периода правления Петра I. В это время интересы верхушки правящей власти сосредотачиваются на укреплении порубежных городов, снабжении их, в том числе и необходимыми для церквей и монастырей книжными памятниками.

В заключении, назовем на наш взгляд самую важную недопустимую ошибку автора. Все, о чем пока говорилось в автореферате и диссертации, связано с определенными социальными и прочими характеристиками книжной культуры этого времени. Однако записи на экземплярах старопечатных книг дают действительно уникальную информацию о ее духовном содержании. Но чтобы ее получить, нужно было провести большую и специальную работу с теми записями, которые принято называть маргиналиями в отличие от собственно записей, содержащих самые разные сведения о судьбе самого экземпляра книги как такового. Маргиналии же содержат информацию об отношении читателя к тексту книги. Автор, к сожалению, эти записи, которые важнее всего для решения его темы, серьезно не изучает и даже противоречив в самом понимании маргиналии, т.к. называет таковыми сначала самые краткие из них указующие персты или слово «зри»

на полях текстов. Далее, правда, В.П. Богданов приводит определенный пример именно развернутой записи-маргиналии. Маргиналии содержат действительно уникальный материал о критике читателем прочитанного текста, о дополнениях к нему, острой полемике со сказанным (обычно маргиналии сделаны старообрядцами). Несомненно, существенный интерес представляют собой те самые «зри» и указующие персты, которыми отмечены наиболее заинтересовавшие читателя фразы или разделы. И этот материал для характеристики книжной культуры времени представляется нам максимально ценным. Поэтому, подводя итоги нашей развернутой характеристики представленной В.П. Богдановым работы, нужно даже не посоветовать, а потребовать от автора разработку именно этих записей как источника по книжной культуре, разработать их классификацию и внести в базу данных. К сожалению, если информация записей, связанная с историей бытования экземпляра, как было уже сказано, подробнейшим образом и структурирована, и внесена в систему указателей, для маргиналий этого пока не сделано. Чтобы защитить докторскую диссертацию на избранную тему, необходимы именно эти разработки и возможные на их основании исторические выводы. Эта же проблема должны решаться и при учете той религиозной и социальной психологии, информация о которых, как сказано выше, является уникальной особенностью записей на экземплярах старопечатных книг кириллического шрифта как исторического источника.

Книжную культуру эпохи также характеризуют значительное количество записей, содержащих информацию не только о составе церковных библиотек, но о культуре их использования, хранения и даже об определенной реставрации, наиболее пострадавших памятников. Например, записи об этом есть на книгах Спасо-Преображенского Ярославского собора периода игуменства архимандрита Иосифа – открытого именно на основании записей крупного богослова, администратора и поэта.

Что касается хорошо знакомой В.П. Богданову тематики выявления и описания книжности старообрядчества XVIII–XX вв., то он строит свои

выводы о ее составе, количестве и характере, исходя из узких полевых результатов книг поставленных на учет в старообрядческих общинах Южной Вятки. Хотя автор несколько раз упоминает археографические исследования Верхокамья, он не опирается на самое подробное, по словам Н.Н. Покровского, исследование старообрядческой книжности Верхокамья, «лучшее после В.И. Малышева в Усть-Цильме» (которое, кстати, автор вообще не упоминает). Эта работа выполнена на основании тщательного анализа 2200 книжных памятников XV–XX вв., поставленных на учет на территории всего 60 на 60 км, которые составляют книжность старообрядческого крестьянства Верхокамья.

Что касается достаточно подробных рассуждений автора об истории российских имен – «именослова», то причины наибольшего количества тех или иных именованных снова связаны с основным источником диссертации, со старопечатными книгами, а именно со святцами, которые наряду с Учебными псалтырями были во всех домах России XVII–XVIII вв. Существовал непререкаемый обычай называть человека именем святого, память которого приходилась на день рождения. Позднее современным старообрядцам стали разрешать называть человека именами святых, память которых отмечается за неделю до и неделю после рождения. Имя Ивана (Иоанна) в святцах названо более 50 раз, причем памяти святых с этим именем фактически празднуется почти во все месяцы года. Святые с именем Михаил также упоминаются в святцах 10 раз, что также много больше святых с другими именами. То же самое надо сказать и о женских именах – Анна, Мария и т.д. В старообрядческом Верхокамье именованию староверов, родившихся в XX веке, были посвящены специальные исследования, которые показали, что стали давать имена не только согласно Святцам, но также по именованию святых, престолы которых были в регионе, и даже тех, тексты житий в которых были максимально распространены.

Изложенные выше существенные замечания представляют собой только часть тех неправильных и неточных формулировок, небрежностей в ссылках

и примечаниях, многочисленных повторах ошибочных выводов и т.д., замеченных в работе В.П. Богданова.

К этому надо добавить, что сама структура и содержание диссертации скорее похожа на недостаточно отредактированный черновик научно-популярного издания, так как часто включает элементарные сведения, например, о характере, виде и типах богослужебной книги; использует термины, не соответствующие репертуару и характеру старопечатных изданий, называя их «чительными», а не «учительными» и т.д.

Что касается частого упоминания личной роли В.П. Богданова в составлении и подготовке используемых им каталогов, что, конечно, очень важно и привело к постановке и изучению указанной темы, то достаточно упомянуть, что среди 13 авторов-составителей Каталога кириллических изданий Ростово-Ярославской земли (2004) трое студентов – участников археографической практики, в том числе и В.П. Богданов и 9 ученых-профессионалов, как МГУ, так и сотрудников местных хранилищ; в Пермском каталоге среди 14 авторов, четверо студентов (в том числе В. Богданов) и 10 профессиональные ученые. Это позволяет понять уровень участия автора в процессе подготовки сверки, проверки, описания экземпляров сводится к минимуму. Кроме того, десятки раз упоминая в работе университетские каталоги, В.П. Богданов забывает, что их составителями в не меньшей степени были специалисты, представляющие регионы, где, кстати, эти книги и были изданы.

Несомненно, что важнейшим направлением изучения именно книжной культуры является исследование учебной книги, реального инструмента сохранения и воспроизведения традиционной культуры, прежде всего культуры книжной. К сожалению, и этой проблеме автор не уделяет серьезного внимания.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что представленная В.П. Богданова работа по всем основным своим характеристикам не соответствует уровню требований, предъявляемых к диссертации на

соискание степени доктора исторических наук. Автор, несомненно, должен продолжать эту работу, исправив, уточнив, сократив ее, а главное – дополнив общую базу данных, исследовав и проанализировав ее состав.

Поэтому можно утверждать, что в представленной на соискание работе В.П. Богданова мы не видим никаких принципиально новых выводов или аспектов исследования, а его работа по составлению базы данных, репрезентативность которой в решении поставленных задач общерусской истории, представляется недостаточной, а выводы на основании ее анализа не сформулированы и не показаны достаточно четко ни в автореферате, ни в заключении диссертации.

Д.и.н., профессор кафедры Истории церкви

И.В. Поздеева

17.04.2023

Подпись

